

Сеня решил, что времени нет там, где нет посторонних предметов и ничто не напоминает об их отсутствии. Он пришел к такому выводу, услышав по телевизору рассказ летчика-испытателя, находившегося в полной темноте в условиях невесомости очень долгое время. Когда тело и душа испытателя настолько измучились, что все мысли о земном растворились, космонавт потерял ощущение времени. Решив, что в такой вязкой прострации провел неделю, он не выдержал и нажал кнопку связи. В ответ прозвучало: «С момента предыдущей связи прошло три минуты». Затем он терпеливо жил день, другой, не нажимая на кнопку, а когда нажал, ему сказали, что с момента предыдущей связи прошло полторы минуты. Не успел он ни удивиться, ни восхищаться — пока выбирал, как следует реагировать на такое состояние, в наушниках раздался голос: «Почему не выходите на связь 12 часов? Что случилось?»

Сеня тоже желал бы нажать на такую кнопку, чтобы побыстрее наступило утро, но единственным ответом ему мог стать восход солнца и тонкие лучики в щелях досок, или пение петухов, или звуки хлопающих ворот, дверей, калиток, мычание коров. Но этих звуков не было.

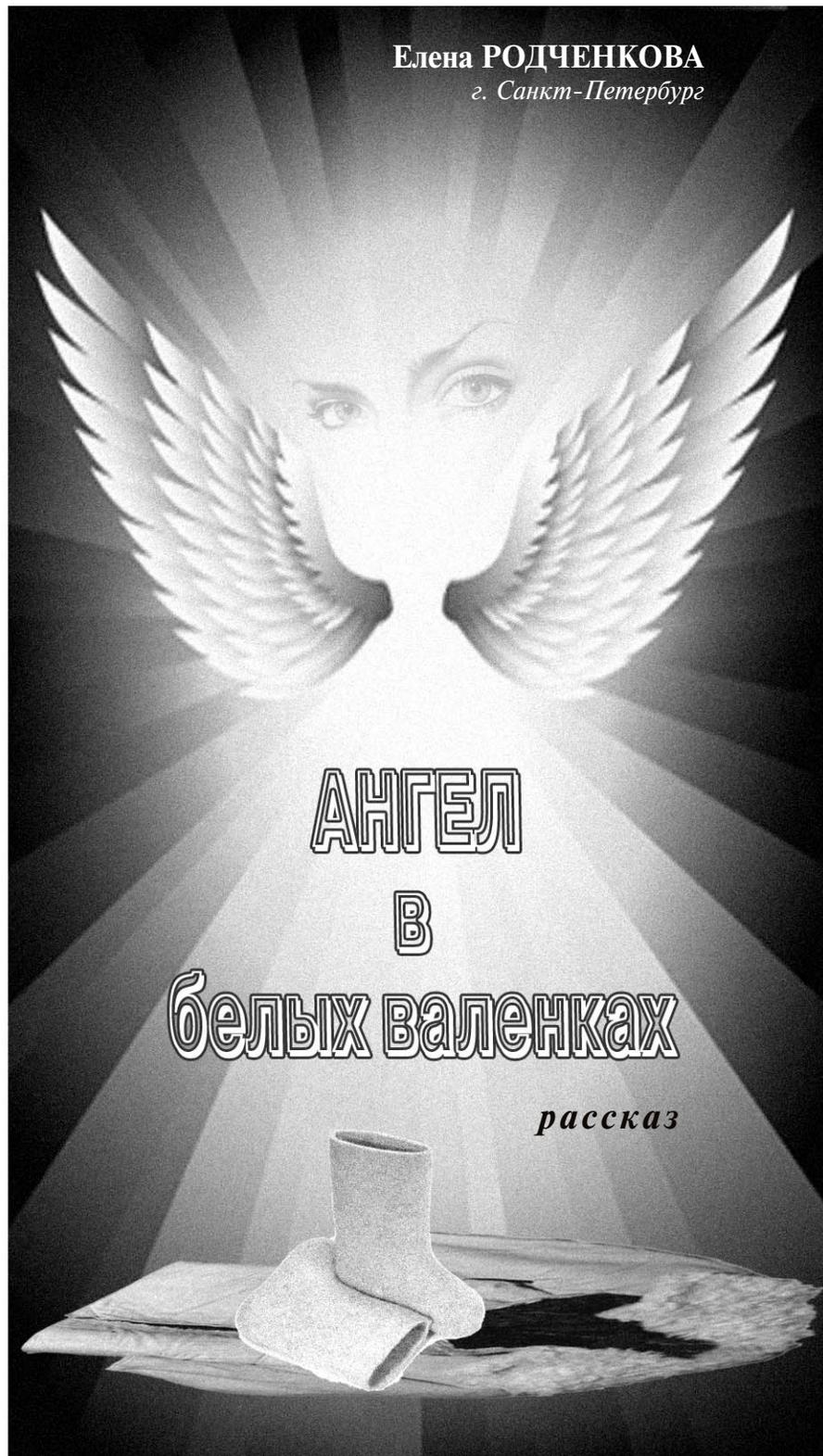
«А если бы я был слепой?.. — думал Сеня. — Если бы не мог видеть солнечного света, как бы я понял, что наступило утро?..»

«Если бы я был глухой и не смог слышать птиц? Что тогда? А если бы я был один в целом мире?»

Он пошевелил заочневши-

Елена РОДЧЕНКОВА

г. Санкт-Петербург

ми ногами и сунул нос поглубже в слежавшуюся шерсть тулупа. Судя по тому, как сильно он замерз, ночь подходила к концу, а может быть, только началась, как у того космонавта.

«Время — это что-то живое», — решил вдруг Сеня, тараща глаза в кромешную тьму, где что-то прошуршало в сене, — а страх — это не время. Когда не страшно, то времени нет, оно тянется, только когда страшно».

Сене не с чем было сравнить свою жизнь, поэтому она у него была такой, какой была. Чистое сердце верило всем и не умело отличать зло от добра. Сеня не понимал, когда его хвалят от души, а когда подтрунивают, насмеются, — он все принимал за чистую монету. Так был устроен.

Вчера утром у него был долгий разговор с коровой. Запах навоза, звон подоюника, котейка Плут, норовящий нырнуть в ведро с молоком, — весь мир радовался, что Сеня проснулся. Теплый, мерно вздымающийся бок коровы напоминал ему мамкину большую спину, когда он, прижавшись к ней, мгновенно засыпавшей усталой его мамке, долго не хотел спать, тайно надеясь, что она вот-вот проснется, что ей приснится что-то такое, отчего она повернется на другой бок к нему лицом, обхватит его голову шершавой своей тяжелой, жаркой рукой, прижмет во сне к себе, а он уткнется ей в шею, пахнущую прелым сеном и утренним молоком. И тогда будет он лежать замерев, не дыша, покуда не закончится воздух, покуда не начнут путаться от счастья все чувства в душе. А потом всхлипнет, хватит жесткий глоток воздуха, оторвавшись от нее на миг, а она проснется — «чш-ш-ш-ш!» — еще крепче прижмет его к себе и снова заснет мамка...

Заснула мамка... Когда мамки не стало, с Сеней тоже что-то случилось, он перестал говорить. И потому не мог сказать отцу, чтобы тот не пил водку. Сеня привык уходить ночью подалее от домашних криков и ругани спать в коровник. Там его все любили: и корова, и мыши, и котейка Плут, потому что в коровнике Сеня был человеком, а остальные — животными. Когда отец пил, Сеня не понимал, кто в доме был человеком.

Дома все говорили хорошо и много, но ря-

дом с ними время тянулось очень долго, как будто в темноте в сене шуршала мышь и всем управлял страх.

Сеня любил и отца, и сестру, и мачеху, и бабу Зинаиду и все время ждал, когда зазвучит: «Почему вы не выходите на связь? Что случилось? Прошло столько времени!»

Но им было все равно, где Сеня, что с Сеней и для чего ему дана душа.

Баба Зинаида свое имя не любила. Оно ей казалось противным, как звук бритвы при заточке или как плетеная из проволоки корзина для картошки, оно было пустым и железным, чужим, как все люди вокруг, включая даже зятя, такого же железного и пустотелого, как ее имя.

Ох уж этот зять! Как он насолил ей своим существованием! Несколько раз она подслушала, что в разговоре с дочерью он называет тещу Зюзей вместо Зинаиды Андреевны. И Лилька не возражала! Видно, воспринимала это слово не как ругательство или тоже не любила ее имя. Или ее не любила. Не любила, видно, Лилька свою родную маму, и потому Зинаида Андреевна ушла из дома.

Для начала ушла посидеть на лавочку детской площадки, что в конце их улицы, а к вечеру, если получится, пойдет она дальше — к Михаилу Сергеевичу. Что ж, не помирать же на старости лет под забором. И на работе надо хорошо выглядеть. И надо вещи с собой забрать — разместить у Михаила Сергеевича костюмы, обувь, пальто с чернубуркой на зиму. Но тогда придется выходить замуж...

А иначе она Лешку-то стукнет. Ненароком прибьет зятя — не выдержит и прибьет. И останется Лилька вдовой, и внучка Дашенька пострадает, и сынок Лешкин на шею Лильке сядет, Сенюшка этот. И так-то дурачком растет, а так и вовсе от рук отобьется. Нет, лучше ей выйти замуж.

Зинаида Андреевна достала сотовый телефон, нацепила на нос очки и тяжело вздохнула. В тюрьме-то уж небось хуже, чем у Михаила Сергеевича, — по пятнадцать человек в камере, голод и вонючка, вши да грязь. А у него квартира двухкомнатная и только четыре ко-

та. Могло бы быть и четырнадцать, как у соседки его, бабы Кати. Какая-то у них в доме кошачья мания...

Нет, выйти замуж за Михаила Сергеевича с четырьмя котами, соседкой бабкой Катей и кошачьим подъездом она все же не сможет. Зинаида Андреевна помотала головой, сурово сжала губы в несгибаемую подковку и сунула сотовый телефон в карман.

Стыдно. Дело не в котках. Сеня этот не очень в порядке, а жалко его, будут смеяться над ним во дворе, не возьмешь даже с собой. А он ведь сзади ходит, как прогонишь? Дочку жалко, Лильку. Но она сама виновата, что такого мужа выбрала и в их дом привела. Примак... Лилька-то еще даже и позавидует, что Михаил Сергеевич не пьет, не курит. Человек важный, тихий, спокойный, расчетливый, экономный, зря денег на курево не тратит. Куда ему курить-то с язвой? И сердце больное, зачем кричать с больным сердцем? Кто его услышит, кроме котов? Один живет. Как кактус в пустыне. И лысый такой же, как этот кактус. Но не злой. Больной весь, не находишься с ним по врачам, но ведь если не водить, помрет...

Зинаида Андреевна достала из кармана телефон и снова стала набирать номер.

Это тебе не Лешка. Вот конь здоровый! И откуда такие кони берутся? Народ в городке крепкий, ширококостный, но этот Лешка всех переплюнул: как зайдет в комнату — полкомнаты, считай, пропало — занял. Остальные люди жмись куда хочешь, распользайся по стенкам. Что кузнец из сказки. А красивый какой!

Сеня весь в него. Но что-то получилось неудачно — неправильный какой-то мальчонка, блаженненький. Может, разрастется, пройдет, а пока жалкий, улыбается, его и кот обидит... А у Михаила Сергеевича четыре кота. И все некастрированные, наглючие, вороватые, по столам рыскают, как рыси. Видимо, и блохастые, и с лишаем... Заразят Сеньку, он же их гладить будет.

Зинаида Андреевна поспешно сунула телефон в карман.

В тесноте, да не в обиде, а ребенка она не бросит. Надо говорить с ним, читать ему

книжки, развивать. Сирота ведь, не нужен никому на свете. Она встала с лавочки и решительно пошла в сторону дома. По пути решительность пропала, она зашла к соседке Гале потянуть время. Галя была не в духе, она куда-то торопилась, в прихожей у нее было небрежно, вещи раскиданы. На все вопросы Галя фырчала и махала рукой — мол, идите вы все, идите вы подальше, откуда пришли. Зинаида Андреевна, уважаемый в городе человек, инспектор отдела опеки и попечительства, привычным взором окинула все доступные глазу уголки Галиного жилища, будто сфотографировала для дальнейшего составления акта жилищных условий. Понимая, что условия подзапущены, она пошла домой.

В ожидании тяжелого разговора с дочкой и зятем Зинаида Андреевна шла к дому медленно и уныло. Издали увидела: возле дома стоят Лилька и Михаил Сергеевич, а между ними, как глыба, — зять. Сначала она подумала, что Михаил Сергеевич свататься пришел — даже спотыкаться стала. Потом решила, что зять что-то затеял строить, и остановилась, потому что лишних денег у нее не было. Потом ей показалось, что Лилька уходит от Лешки — а куда она может от такого красавца уйти и к кому?! — и Зинаида Андреевна прибавила шаг.

Михаил Сергеевич, размахивая руками, громко кричал:

— Я ему говорил, что дурак, а он все равно! Жалко вам, что ли, мальчика? Убудет с него, что ли?

Лилька кивала головой на толстой короткой шее, отчего мягкий подбородок дрожал, будто боялся.

— А ну, повтори! — гремел зять Леша. — Я тебе, хвост кошачий, покажу сейчас дурака!

— Леша! — зывал к милости Михаил Сергеевич. — Это ведь к слову. Просто малец неразговорчивый. А так-то, глянь, красивый какой. Денег заработаете кучу!

Заслышав издали про деньги, Зинаида Андреевна почти подбежала к дочке и, заглядывая сбоку в ее лицо, поинтересовалась:

— А что случилось?

— Явилась не запылилась... — враз обмяк Ле-

ха. — Уходит она всегда навсегда, а возвращается обычно не вовремя и на время...

— Мам, не лезь, — недовольно отмахнулась Лилька.

— Сеню вашего планируем сделать популярным, — сказал Михаил Сергеевич. — Но родители против. Режиссер сказал, что он шикарная натура, а эти вот не пускают мальчика на съемки.

— Сеню?! — изумилась Зинаида Андреевна. — Он же глупый... Не говорит... Грех вам, Михаил Сергеевич, над ребенком-то смеяться. Уж ладно дети смеются, а вам-то грех, Михаил Сергеевич! Я еще думала... думала, что... хорошо, что передумала.

Зинаида Андреевна стала краснеть, краснеть и превратилась в вишневу.

— Да правда ведь, не шучу, так режиссер и сказал, что очень красивая натура, шикарная!

Зинаида Андреевна тяжело задышала, и тут в ней проснулся строгий инспектор отдела опеки и попечительства:

— Я не позволю сироту обижать!

— Какой он сирота?! — взвился Леха. — Я ж ему отец!

— Все равно не позволю перед камерами выставлять. Режиссер-то хитрый, вам сказал, что Сенька красивый, а снимать будет как идиота. Знаю я этого режиссера. Потешаться надумали?!

— Ладно тебе, Зинуля, потешаться... — засомневался Михаил Сергеевич.

— Посмеете только тронуть Сеню — всех на ноги подниму. Такое устрою, что ваш режиссер в другую область поедет фильм свой снимать. Понял, Михаил Сергеевич? Вот и иди домой кормить котов, а то бегают по базару, ищут тебя.

— Ладно уж... Ищут... Они дома.

— Отнеси их режиссеру своему — пусть фотографирует. Красавцы — один другого краше: кто хромым, кто одноглазый, кто с лишаем.

— Нет у них лишая! — возмутился Михаил Сергеевич.

— На уши посмотри! — огрызнулась Зинаида Андреевна.

Леха такому гневу тещи поразился и по привычке тоже начал спорить:

— Сеньке на съемках весело будет. А то что он все сидит в саду?

— И не мечтай! — отрезала Зинаида Андреевна. — Знаю я эти съемки, заставляют людей голыми бегать. Черт те что говорить. И лягушек едят, и по крапиве катаются. Подлые люди, низкие. Низкие! Ребенка обижать не дам. Всё!

— Понятно... — протянул Леха. — А замуж пойдешь, теща?

Он лихо подмигнул Михаилу Сергеевичу. Тот мгновенно покрылся белесыми разводами и замычал: «Не-не-не!»

Зинаида Андреевна махнула рукой и поспешила в дом.

— Не пойдешь замуж-то? — крикнул ей вдогонку Леха. — А то ведь грозилась с утра.

— Не-не-е-е, — засмутился Михаил Сергеевич. — Ладно ты, чего там, не-не...

— Не пойдет, — утешил его Леха. — Вишь, злая какая, зачем ей замуж? Она тебя сожрет. А режиссер-то твой где?

— В гостинице. Просил Сеньку привести, это самое... Ну, как его... Это... Туда...

— Не заикайся ты, Сергеич, не бойсь, не дам я тебя Зюзе. Сколько той жизни осталось, и надо прожить ее красиво. Ведь так?

— Ага...

— Ну так не с ней же жить? С ней красиво не проживешь, Сергеич... Такая мегера...

— Ага... Не... Ну это... Да уж...

— А давай пойдем к твоему режиссеру, спросим, чего он такого в Сеньке моем записал?

Возвращались Леха с Михаилом Сергеевичем от режиссера веселыми как никогда. Пока шли от гостиницы, показался им родной город чуть ли не столицей мира — огромным, торжественным и многозначительным. И сами себе они показались такими огромными, такими важными, что были им узки широкие, как проспекты, тротуары и безграничные, как площади, закоулки, а липы, что стояли по обочинам города, казались вековыми дубами, разбросанными, словно зерна, вразной по площадям городка.

— Во, блин, Сергеич, попали мы в точку, — кивал Леха. — В самую что ни на есть точку.

Никуда они теперь не денутся без главного героя. Мы им можем всю съемку... По одному нашему желанию... Вжик!

Леха с трудом поднял руку и бросил ее, показывая, что такое «вжик».

— Он зависит от тебя, это так, — соглашался Михаил Сергеевич, обхватив ствол липы и шаря по ней ладонью, будто это была входная дверь в его квартиру и на двери отсутствовала ручка. — Это что мы там такое пили? А?

— Виски, Сергеич. Благородный самогон. Американский спирт. Во, блин, правда, крепкий... Когда ж мы дойдем-то? Давно идем...

— Давно, — согласился Михаил Сергеевич, оттолкнувшись от липы. — Что-то не дойти никак...

И вдруг протрезвел:

— А я-то куда иду, Леш? Мне ж в другую сторону! Это что? Это мы где? Возле рынка?

— Не трусь, Сергеич. Зюзя не станет тебя ругать. Она тебя уважает.

— Это понятно, но у меня коты! — многозначительно сказал Михаил Сергеевич.

— Коты не помеха. Она их накормит.

— Не-не, ты не рассказывай мне сказки. Накормит... Я сам!

Михаил Сергеевич круто развернулся, собираясь идти в другую сторону, но не смог и упал под липой.

Леха тяжело вздохнул, подошел к нему и молча помог подняться. Он взял Михаила Сергеевича под руку и почти волоком потащил за собой.

— Сергеич, ты меня держись. Я тебя в обиду не дам.

— Коты ж голодные...

— Не дам, говорю. А мне ее одному не перерогать будет. У нее знаешь какая глотка? Как труба. Во, блин, какие бабы бывают... Страх!

— Они голодные все перегадят...

— Гадют, еще как гадют.

— Не отмыть потом квартиру будет. Домой мне бы...

— Сейчас придем, отдохнем, примем ванну, выпьем чашечку кофе, и потом я тебя провожу домой.

— Не-не...

— Ну «не», так спи у нас.

— Не-не...

Михаил Сергеевич совсем ослаб, он только периодически мотал головой, выдавливая из себя «не-не», но шел.

Лилька встретила их почти с распростертыми объятьями, в которые приняла еле живого мужа.

— А вы идите домой! — велела она, выглядывая из-за мужниного плеча, расстреливая взглядом Михаила Сергеевича. — Зачем вы моего мужа напоили?

— Никуда он не пойдет! — орал Леха. — Сергеич, не слушай их, ложись вот на диване. Всем спать! Теща — вон!

— На каком таком диване? — возмутилась подоспевшая Зинаида Андреевна. — Михаил Сергеевич, а вы тоже, оказывается, алкоголик! Я думала, вы порядочный человек!

— Порядочный, — согласился Михаил Сергеевич, пытаясь хоть где-нибудь приземлиться. Получилось неудачно, и он приземлился в углу прихожей, попутно сорвав с вешалки пальто и два плаща.

— Тещам всем — вон! — сказал для порядка Леха и скрылся вместе с супругой в спальне.

— Да что же это такое? — изумилась Зинаида Андреевна. — Во что дом превратили? Один окончательно обнаглел — вон гонит, а вы, Михаил Сергеевич? Что это вы, легкомысленный, что ли?

— Легкомысленный, — с трудом выговорил неудобное слово Михаил Сергеевич.

Он подпихнул под голову зажатые в кулаке плащи и пальто и, зевнув, закрыл глаза.

— Не трогать Сергеича! Пусть спит! Это приказ! — орал из спальни Леха. — Он много работал, мы договор подписали.

— Да, — согласился Михаил Сергеевич и снова зевнул.

— Боже мой... Договор? — ужаснулась Зинаида Сергеевна. — Продали ребенка в рабство.

— Не-не, — Михаил Сергеевич заморгал глазами. — Это не... не так...

— Теща! Скоро будешь богатая! Успокойся! Дама будешь или как его там... — леди! Во, блин, леди! Леди Зюзя и леди Лилька!

Леха хоть и был вдрызг пьян, но сообразил, что пошутил удачно, и захохотал так громко,

что в детской проснулись Сеня и маленькая Дашка.

Сеня выглянул из комнаты, с состраданием посмотрел на Михаила Сергеевича, прислушался к хихиканьям отца. Потом он покачал Дашкину кроватку, убаюкал сестру, надел штаны, положил под свое одеяло большого плюшевого медведя. Сеня прислушался к ругани в коридоре, затем потихоньку проскользнул мимо кипящих раздражением тел, столпившихся в прихожей над сидящим в уголке Михаилом Сергеевичем; морщась от громкого крика и пряча глаза, чтобы не видеть злобных, кричащих лиц, мальчик вышел на веранду.

Входная дверь была распахнута настежь. Он нащупал в полутьме на гвозде ключи от сарая и пошел ночевать на сеновал.

Ночью Сенька проснулся от холода. Показалось ему вдруг, что спал он так долго, что за это время прошли лето, осень и настала зима. А он, как космонавт-испытатель, потерял ощущение времени, не нажал кнопку связи, и теперь где-то там, в центре управления полетом, переживают, ищут его, беспокоятся...

Сеньке стало неуютно, он виновато потер свой холодный нос ледяными, чужими, непослушными, почти космическими руками и вдруг услышал поодаль совсем земной шорох сена.

Сенька вздрогнул, вмиг слетев с небес на сеновал, и вытаращил глаза, пытаясь разглядеть в темноте прищельца, но, кроме густой тьмы, ничего не увидел и, кроме вязкой тишины, ничего не услышал. Он успел подумать, что тьма — это ничто, это просто отсутствие света. И незачем это ничто бояться... Вот если бы был свет, он бы обязательно увидел, кто там шуршал... Наверное,мышь... Надо было взять фонарик... Забыл...

В это мгновение, как жилистый жгут непроглядной тьмы, на него бросилось мягкое и пышное тепло. Сенька судорожно обхватил его, пряча в сторону лицо и, почувствовав живое дыхание, крепко прижал к себе это «ничто», родившееся из тьмы, а при свете бывшее любимым котом Плутот. Сенька так сильно

прижал кота к себе, что было непонятно, чье сердце бьется сильнее и чаще, разрываясь от радости, — его или кошачье?

— Ксс! — прошептал он, утешая кошачье маленькое сердечко, и стал крепко гладить спину кота ладонью.

Кот замурлыкал, забормотал что-то извинительное и принялся баять песенки, урча и ворочая утробно всем своим маленьким тельцем, рождая теплой, дрожащей шкуркой какие-то нежные, утешающие, любящие волны. Он тербил лапками Сенькин свитер, дышал сеным пыльным теплом, вкусно пах травой и молоком, домашним уютот и добрым мирот. Он терся ушками о Сенькину щеку, лизал шершавым, как наждачная бумага, щекотным языком Сенькины руки, и страх незаметно сбежал от Сеньки, перепуганный до смерти лаской преданного кота.

Когда от тепла кота согрелись Сенькины руки, он почувствовал, что стало холодно ногам.

Встал. Не выпуская кота, зажав его под мышкой, слез с сеновала. Кот висел послушно и неподвижно, будто был неживым, но продолжал мурлыкать свои песенки, отчего Сеньке было немного смешно.

Он прошел мимо тепло и влажно дышащей коровы к двери. Открыл дверь и замер: на улице было так светло, что густая тьма хлева показалась ему какой-то искусственной, кем-то специально созданной для непонятного эксперимента и разлитой перед его глазами, повисшей вокруг него недалеко от серого, светлого утра.

Сенька оглянулся и пристально вгляделся в глубь хлева. Тьма растаяла, исчезла быстро, будто ее не было, а Сенька минуту назад был в черных очках и, слезая с сеновала, уронил их в коровий навоз. Возле кормушки корова Дуся мягко жевала сено, она смотрела на Сеньку жалеючи, как на тронутот умот.

Кот Плут дрыгнул лапами под мышкой, напоминая о себе. Сенька крепче зажал его рукой, разглядывая блестящие ноздри коровы, ее медленно вздымающийся и опускающийся бок, клочок сухой травы, повисший на роге возле дергающегося уха, короткие, наполовину спиленные рога. Корова показалась

Сеньке совершенно незнакомым, необыкновенным существом, будто он увидел ее в первый раз в жизни.

Кот Плут дрыгнул нетерпеливо и нервно всем телом, коварно впился когтями в Сенькин бок и миг заставил Сеньку забыть о корове.

Сенька ахнул от неожиданной боли и выпустил Плути.

— Ксс... — сказал он с обидой мелькнувшему возле поленницы дров хвосту Плути. — Ты кот!

Сенька сказал «ты кот!» и замер. Потом подождал немного и тихо повторил:

— Ты кот...

Он оглянулся на корову и медленно, по слогам произнес:

— Ты ко-ро-ва... Ду-ся...

Он крепко растер ладонями свои щеки, хлопнул себя со всей силы по лбу, широко раскрыл рот, хватая губами утренний воздух, потом решился и прошептал:

— Ма-ма.

Он восторженно поднял глаза к небу. Оно было чистым-чистым, голубым, звонким и счастливым. Солнце уже где-то взошло или только начинало всходить, потому чистота утреннего неба была чуть замутненной дымкой ожидания полного торжества света и томления по нему.

— Не-бо... — сказал Сенька и широко изумленно улыбнулся, будто до того, как он произнес это слово, небо не существовало вовсе, а теперь вот возникло.

Прямо перед собой высоко в небе Сенька увидел облачко, напоминавшее своими очертаниями человека. Сенька прищурился, потом крепко зажмурился и помотал головой, снова всмотрелся в облачко.

— Об-ла-ко, — сказал он и снова крепко, до слез зажмурился.

Показалось ему, что это не облачко вовсе, а белый человек в длинной одежде, складки которой то ли колышутся, то ли переливаются на свету, как ледяной плащ. Из-под плаща были ему видны белые валенки...

Сенька оглянулся вокруг, посмотрел на небо справа, слева — оно было чистым, прозрачным, и только этот странный облачный человек шел по направлению к Сеньке.

— Че-ло-век? — спросил себя Сенька.

Ему сначала показалось, что облачко приблизилось, потом показалось, что отдалилось.

— Ангел?

Сенька не знал, что теперь ему делать. Если перед ним ангел, о котором рассказывала мама, то почему он не движется, ничего не говорит, не подает Сеньке никакого знака, и только плавные складки его длинного одеяния колышутся, словно он идет по небу.

Сенька снова крепко растер ладонями лицо, ожидая, что ангел исчезнет, и надеясь, что он останется. Когда он убрал ладони от лица, ангел был на том же самом месте.

Сенька перекрестился, прижал правую руку к груди и осторожно осмотрел все небо. Справа от ангела в небе сияла золотая вертикальная полоска, тонкая и длинная, как спица, прямая и ровная, как натянутая струна, как нить, соединяющая небо и землю, исходящая из глубины выси и чуть не достигающая земли. Только чуть-чуть конец золотой струны не касался далекого леса...

— Что это? — прошептал Сенька в ужасе. — Это копье?

Ответа не последовало ни от неба, ни от земли, ни из сердца.

— Это — меч? — спросил Сенька у ангела и опять ничего не услышал.

— Зачем? Для чего? Так не может быть...

Он шептал и шептал вопросы один за другим, уже не удивляясь тому, что язык его выговаривает сложные слова, и тому, что он может свободно спрашивать все что угодно у неба и у ангела.

Тонкая золотая спица недвижно сияла, ангел стоял поодаль и ничего не отвечал, только складки его снежно-ледяной одежды колышались, будто он шел вперед или будто высоко в небе дул ветер.

Сенька долго ждал, но ангел не приближался. Несколько раз ему показалось, что белые валеночки ангела передвигаются и скоро он потихоньку или внезапно окажется рядом с Сенькой, и тогда Сенька все же услышит его голос, узнает, что все это значит. Но время шло, или оно остановилось, ангел оставался на своем месте, золотой меч висел там же, где

и раньше, будто кто-то невидимый перестал думать обо всем и потерял ощущение времени. Будто кто-то незримый забыл нажать на кнопку связи и не знает теперь, не чувствует, не может понять, что его голоса, его ответа ждут на земле.

— Нет связи, — сказал Сенька, кивнув на дальнюю полоску леса, над которой зависла золотая нить.

— И потому не слышу. И потому время остановилось.

Он так и не понял, что это: такая длинная игла? Или меч? Или это молния замерзла и остановила свой полет, не достигнув земли? Потерялась во времени, не успев столкнуться с твердью, не успев изломаться, исковеркаться об нее, вспыхнуть напряжением от столкновения?

— Это мне? — осенило вдруг Сеньку. — Мне? Сердце подсказало ответ: «Да».

— А что мне делать с этой... молнией? — спросил он тихо.

Он вытянул вперед руку, направив ладонь так, чтобы кончик золотого меча зримо коснулся ладони, и вдруг действительно почувствовал, что руки коснулось что-то нестерпимо горячее или что-то невыносимо ледяное. Он непроизвольно сжал руку в кулак, будто принимая оружие, посмотрел на ангела и глупо улыбнулся. Ему вдруг показалось, что он совершил что-то недопустимое. Вроде как что-то украд, взял чужое, запретное — то, что ему ни в коем случае нельзя было трогать.

— Извините...

Сенька попытался разжать кулак, отдернуть ладошку, но рука его не слушалась. Складки одежды далекого ангела шевельнулись, вальнички будто двинулись с места, прошло некоторое время, но все так и осталось на своих местах: ангел не стал ни ближе, ни дальше.

Сенька постоял так еще немного, потом поднес кулачок к лицу — ничего в нем не оказалось. Меч продолжал висеть в небе, ангел продолжал охранять его, а вокруг не было ни звука, ни движения, ни холода, ни тепла — все замерло, будто умерло...

Сенька шевельнул пальцами, осторожно коснулся ими своего носа, для порядка ощу-

пал его — мокрый, холодный, прямо говоря, сопливый нос. Он шмыгнул носом пару раз, понимая, что все это не сон, что вот он, живой, обычный человек, дышит, видит, чувствует, шевелит руками и в том, что происходит вокруг него и в нем самом, — абсолютно ничего не понимает.

Он растерянно вернулся в хлев, задал корове сена, затем снова вышел на улицу, удостоверился, что меч и ангел остаются на своих местах, и быстро залез на сеновал. Зарылся там в душистое сено, прижав к животу прибежавшего погреть его кота.

Режиссер Эдуард Никитич нервно бродил по тропинке, разворачиваясь на каблуках так круто, что с двух концов образовавшегося пути перерыл всю черную землю. Этот утопанный его творческим полетом мысли участок земли, словно пол одиночной камеры, был основанием, фундаментом, несокрушимым постаментом для всего фильма. Эдуард Никитич всегда так ходил, перед тем как начать съемку.

— Давай, мальчик, договоримся с тобой так, — воскликнул вдруг Эдуард Никитич и рванул сквозь невидимые стены своей одиночной камеры к Сеньке. — Этот дядя будет тебя фотографировать вот этим аппаратом, а я буду задавать тебе вопросы. Ты ведь не умеешь говорить? Ну так и не отвечай. Я буду спрашивать, а ты не будешь отвечать. Понял?

— Костя! — крикнул он, не оборачиваясь. — Мне нужны только глаза. Лицо его нужно. А вы что здесь болтаетесь? — рыкнул он походя на Зинаиду Андреевну.

Зинаида Андреевна больше из любопытства, чем по зову души своей, сопровождала Сеньку по всей съемочной площадке, возвышаясь над ним с лицом многозначительным и ответственным.

— Женщина! Оставьте ребенка в покое. Встаньте вон там, аванс вы получили. Вон там стойте и усмирите, наконец, свое лицо.

Зинаида Андреевна, пораженная грубостью столичного режиссера, отскочила от Сеньки и суетливо засемила в сторону ближних кустов. Обернувшись пару раз, пригрозила кому-то для порядка:

— Я представляю здесь органы опеки и попечительства!

Сенька с интересом разглядывал незнакомых людей, какие-то странные аппараты, запутанные в проводах, какие-то машины на колесах, рельсы, легкий пластмассовый стул и утонувшего в нем толстого, рыхлого режиссера в красном свитере. По команде этого бородатого слюнтявого деда выскакивали откуда-то кони, на них прыгали люди, все это буйство мчалось мимо аппаратов, вздымая клубы пыли, мелькали воины, сверкали штыки, гремели сапоги, звенели сабли, грохотали взрывы, и каждый смотрел и слушал, что скажет этот человек, которому все они служили и боялись не угодить. Даже кони и гранаты служили ему. Даже деревья, взрывы, штыки и клубы пыли.

— Наверное, он — Бог, — прошептал Сенька с ужасом.

— Так, Сережа! Внимание! Начали! Люся!

Тошная, изможденная войной и взрывами девушка шелкнула перед носом Сеньки полосатыми деревянными ножницами, будто угрожая ему остричь челку, и режиссер тут же стал задавать вопросы. Громко, будто на суде:

— Сенья, ты маму любил? У тебя ведь раньше была мама?

Сенька замер.

— Снимай, снимай! — шикнул режиссер кому-то. — Глаза крупно... Так, так...

— Сенья, дорогой мой, а ты скучаешь по ней — по маме? А? Так... Хорошо... Скучаешь?

Сенька растерянно смотрел на Эдуарда Никитича, на его влажные седые усы и неряшливую бороду с рассыпанными по ней то ли крошками, то ли насекомыми.

— А ты хотел бы, чтобы мама пришла? Вот сюда прямо к нам пришла? Ожила и пришла. Вот оттуда, из-за того сарая. Представь себе: она сейчас появится из-за сарая, твоя мама, и ты увидишь ее.

Сенька медленно повернул голову и впился глазами в сарай.

— Камера, черт вас возьми, — зло прошипел режиссер. — Не готовы, как всегда, сволочи... Глаза, говорю!

Сенька, как во сне, смотрел на старый сарай, привезенный откуда-то и сложенный впопы-

хах на съемочной площадке. Видно было, что дверь ненастоящая, а крыша подлатана в некоторых местах свежей желтой соломой. Как мама может появиться оттуда?.. Если только так же, как ангел в небе?..

— Ты верь мне, верь, Сенья, — сказал режиссер. — Если поверишь, все сбудется. Любое чудо. Смотри и жди. Камера, камера...

Из распахнутой двери сарая вышел какой-то человек, сел прямо на землю и стал чесать свою голую ступню — видно, наступил в сарай на что-то колючее.

— Сенья! — вдруг воскликнул режиссер.

Сенька вздрогнул всем телом и резко глянул на режиссера.

— Так, отлично, — кивнул Эдуард Никитич. — То, что нужно. А где твоя опекунша? Она твоя тетка? Или бабушка? Впрочем, какая разница?.. Ладно, Сенья, до свидания. Завтра приходи, мы с тобой продолжим разговор. Хорошо?

Сенька молча встал.

— Он все прекрасно понимает, — сказал режиссер оператору. — Совсем не дурак.

— Вот это-то мне и не нравится, — ответил оператор. — Слишком умные глаза. Он не идиот. Не юродивый он, Эдуард Никитич.

— Может, ты мне совет дашь твои глаза снять? Идиот... — сказал режиссер. — Делай что говорю. Натура хорошая, а там посмотрим, куда его.

— Вы гений, Эдуард Никитич, вам видней, — согласился оператор.

Сенька вдруг криво улыбнулся оператору, и тот оторопело глянул на режиссера.

— Гений, — кивнул Сенька. — Ге-ни-я, ге-ня... И вдруг захохотал:

— Ге-ня...

Режиссер оторопело смотрел на Сеньку.

— Он что, заговорил? Или нас обманули?

— Ге-ня! Я Ге-ня, ре-жи-ссер Ге-ня!!! — хохотал Сенька.

— Впрочем, он действительно дурак, — кивнул Эдуард Никитич. — Отведите его к этой тетке — опекунше его. Но странно, что он все-таки умеет говорить...

Сеньку кто-то схватил под руки и, чуть приподняв над землей как куклу, понес по возду-

ху. Пронес через всю землю и все океаны и поставил на новый материк, далеко-далеко от изрытой полоски земли, что была одиночной камерой режиссера Гени, и совсем далеко от придуманного сарая, из-за которого никогда не может появиться его мамка.

Ночью Сенька почти не спал. То дремал, то вдруг резко открывал глаза, будто в бок его пихал кто-то, давший надежду на возвращение его мамки.

Сенька слез с сеновала, вышел на улицу, долго вглядывался в звездное небо, в котором не было ни ангела, ни меча — ничего, кроме звезд и тьмы.

Звезды, огромные, лохматые, пушистые, живые, словно осенние астры, напряженные до стона, были готовы запеть, заговорить и звенели во все небо. Миллиардами астр рассыпанные по таинственной вышине, звезды, как веснушки на мамином лице, ничего сами по себе не означали, но только свидетельствовали о глубине и бесконечности неба.

Сенька попытался отыскать ангела где-нибудь в темных пространствах между сияющими далекими цветами, но пространства эти были так малы, что ангел не сумел бы поместиться в них, а если даже и поместился между звездами, то Сенька никогда не смог бы увидеть его из-за яркого света, растворяющего туманную снежную и ледяную его одежду.

Сенька забеспокоился:

— Не растаял бы ты там, они же горячие, наверное, эти звезды? Спрячься, пока они горят, до утра.

Куда могут прятаться ангелы, Сенька не знал. Возможно, они могут жить на севере, в вечной мерзлоте или в лесу, где тоже почти всегда холод.

— А может, они холодные, эти звезды? — спросил Сенька невидимого ангела. — Светятся просто, а тепла не дают?

— Они холодные, — ответил он сам себе. — Никто от такого света растаять не может.

— Может, ты прячешься сейчас внутри меня? — спросил Сенька невидимого ангела. — Или это невозможно, потому что тогда ты растаешь?

— Нет, не растаешь, — ответил он сам себе. — Ведь ты и не ледяной, и валенки твои не из снега. Ты только кажешься холодным. Ты не теплый и не ледяной, ты ведь не человек. Ты другой, не такой. Тебя не может не быть. Ты всегда есть.

— А вот меня может не быть. Я это знаю. Я могу умереть, как мамка. А ты не можешь. У меня вот живот болит, я есть хочу, мне надо дождаться утра, согреться в сене, а тебе не надо. Мне много что плохо, а тебе все хорошо. Ты не плачешь. Ты не умеешь плакать, тебе это не надо, и смеяться тебе не надо. А я смеюсь, когда плохо, и плачу, когда хорошо.

— Я живу, будто бы меня нет, а ты есть и будто бы не живешь. Как так?

— Ты любишь людей, я знаю, а мне тяжело с ними. Ты идешь к людям, а я от них прячусь. Ты им даришь чудо, а я своим присутствием доказываю им, что человек слаб, глуп, смешон и совсем немощен.

— Люди питаются твоей любовью, ты растворяешься в них, поишь их сердца тальми водами своего незримого служения. Если бы ты не любил людей, ты был бы таким же, как я, человеком. Если бы ты не служил Богу, ты не смог бы любить людей и мучил бы их своим присутствием, как я. Как все люди друг друга.

— Но человеку всегда всего мало. И мне мало. Ты показался мне в небе, подарил меч, но мне этого мало. Я снова хочу тебя увидеть. А ты не можешь явиться, тебя нет, потому что я впитал тебя и теперь ты даришь жизнь моему сердцу.

Сенька говорил и говорил, путаясь в словах и не понимая, от чьего имени отвечал сам себе. Потом он вдруг испугался этого разговора, и показалось ему, что корова Дуся и кот Плут понимают человеческую речь и изумленно слушают его. Дуся даже перестала жевать свою жвачку, а Плут внимательно смотрел в небо и не терся о Сенькины ноги.

Сеньке стало неудобно, он пошел в сарай, задал Дусе охапку сена, залез на сеновал и зарылся поглубже в сухое разнотравье, подпихнув под бок теплого кота и крепко зажмурив глаза, чтобы поскорее уснуть.

Сон не шел к нему. Он будто заблудился где-

то в миллиардах звезд и не мог найти пути к Сеньке. Он шел рядом с ангелом, рядом с ним шла Сенькина мама, она была большая, теплая, бесконечная, она блистала, как золотая молния, от края небес до края небес, она светила, сияла нежностью, она была самой любовью, звенящей и танцующей какой-то медленный танец под странную торжественную музыку, от которой кружились вокруг все звезды, все планеты и вся Вселенная.

Мама танцевала плавный, прекрасный танец вечной любви, и туманный ангел в ледяных одеждах, в белых валенках из земного снега улыбался такой красивой, такой счастливой улыбкой, что кто-то не выдержал и прошептал Сеньке, что ангелы все-таки умеют улыбаться и плакать они тоже могут, что плачут они очень часто и очень горько, потому что люди не верят друг другу и прогнали любовь.

На следующий день Сенькин отец Леха обсуждал с режиссером Эдуардом Никитичем дополнительное соглашение к договору, вечером он пил пиво с Михаилом Сергеевичем и сватал ему тещу, а ночью проснулся вдруг — приснилась ему первая жена. Леха вышел на

крыльцо. Потом вернулся в дом и нащупал в Сенькиной кровати пушистую голову старого большого плюшевого медведя. Разбудил Лильку, взяли фонарик, пошли в хлев, задали корове Дусе охапку сена. Долго звали Сеньку, но тот не отозвался. Решили, что Сенька спит крепко, и пошли домой.

Утром отец залез на сеновал и нашел старый овчинный тулуп и невесть откуда взявшиеся посреди лета белые валенки.

Больше ничего.

□

Елена Алексеевна РОДЧЕНКОВА —

поэт, прозаик, публицист.

Родилась в г. Новоржеве Псковской обл.

Публиковалась в журналах «Наш современник», «Нева», «Москва», «Дальний Восток», «Енисейский литератор», «Всерусский собор», «Невский альманах» и мн. др.

Автор 21 книги, среди которых сборники стихов «Стихия» (1997), «Рось» (1999), «Славянские ключи» (2000), «Молчание — золото» (2011), сборники рассказов «Святой колодец» (2000), «Живые души» (2011), «Когда вырастет на камушке цветочек голубой» (2012), сборники стихов для детей «Кто поможет двум шмелям?» (2011), «Улыбнись немножко» (2011), «Мне уже почти пять лет» (2011).

Лауреат многочисленных литературных премий.

Автор гимнов г. Валдая и г. Новоржева.

Ее произведения переведены на китайский, арабский, немецкий языки.

Член Союза писателей России с 1997 г.

Живет в Санкт-Петербурге.

В журнале «Север» публикуется впервые.

